

Прошло добрых пять минут, прежде чем Вэнь Цинлинь легким касанием пальца сместил курсор на сенсорной панели, сворачивая открытую на весь экран, чересчур откровенную иллюстрацию.

Он вернулся на главную страницу автора. «Compulsion» — популярный художник маньхуа, обладатель миллионной аудитории.

Вэнь Цинлинь пару секунд гипнотизировал взглядом этот псевдоним, а затем на его губах скользнула едва уловимая, двусмысленная ухмылка.

Никто в целом свете не догадывался, что за именем «Compulsion» скрывается сам Вэнь Цинлинь.

И под этой маской он с перерывами творил уже почти десять лет.

За эти годы он перепробовал множество жанров, но два элемента оставались неизменными: это всегда был даньмей, и в нем всегда присутствовала властная, принудительная любовь.

Секрет был настолько оглушительным, что, расскажи он кому-нибудь правду, его без колебаний приняли бы за сумасшедшего или решили, что это нелепая сплетня.

В самом деле, кому вообще могло прийти в голову, что Вэнь Цинлинь — человек, внешне до боли напоминающий пейзажи собственной кисти, тонкий, холодный, словно отстраненный от всего мирского и держащий окружающих на почтённом расстоянии, — способен создавать настолько... настолько дикие, откровенные и пропитанные духом запретного искушения комиксы?

Контраст между его явным и тайным обликом был поистине колоссальным.

Сделав глоток вина, Вэнь Цинлинь с легким весельем представил, как отреагировал бы Тун Нин, узнай он об этом откровении.

Босс Тун, вероятно, решил бы, что на друга клеветают, и тут же нанял бы адвокатов для защиты его чести. Или вовсе потащил бы его к психиатру...

Словом, реакция в любом случае вышагивала бы за рамки разумного.

Тихо усмехнувшись, Вэнь Цинлинь решил пока не устраивать близким таких потрясений.

Смахнув несерьезные мысли, он вновь повел пальцем по тачпаду, прокручивая страницу вниз, и открыл комментарии под свежим выпуском. В глаза сразу бросился забитый криками экран:

«А-а-а-а, настоящий пир! Я наелась на год вперед!»

«Я живу на этом свете только ради ваших обновлений! Быть вашим фанатом — истинное благословение!»

«Кожанка на голую тушку и белая рубашка... Я молчу, насколько это горячо!»

«А-а-а-а, мелкий паршивец наконец-то перешел в наступление! Кто учил тебя так прижимать женушек к стене?!»

«Ладно-ладно, а галстук-то кто тебя научил так завязывать на партнерше?!»

«С этого момента мои штаны улетают в космос!»

«Слушайте, вязывать галстук на запястья — это как-то чересчур скромно! Вяжи сразу ниже пояса, не стесняйся!»

«Сестренка сверху, тут комментарии, а не приватный чат! Но продолжай, не останавливайся!»

«И это все?! Кончилось?! А-а-а-а! Автор, если в следующей главе они наконец не переспят, я потеряю остатки человечности!»

.....

Чем дальше Вэнь Цинлинь листал ветку, тем сильнее у него теплело на душе: каждый отзыв фонтанировал искренними эмоциями.

Проскочив еще десяток изощренных просьб ускорить работу, он закрыл приложение и тянулся за лежащим неподалеку графическим планшетом.

Пора было набрасывать продолжение.

Четкого графика публикаций у него никогда не водилось — все-таки рисование комиксов не служило его основным ремеслом, — но за годы сформировалась привычка выкладывать хотя бы одну главу в неделю.

Сегодня шёл последний день текущей недели, а предыдущий выпуск выходил в прошлую субботу, так что Вэнь Цинлинь твердо вознамерился закончить свежий эпизод до полуночи.

На очереди стояла сороковая глава.

Сорок...

— Генеральный директор Шэнь? — В кабинете руководителя корпорации Шэньюй помощник Хэ Цянь с нескрываемым беспокойством посмотрел на мужчину, сидевшего в глубоком кожаном кресле. — Вы неважно выглядите. Может, переутомились? Основные проблемы уже решены, оставшиеся мелочи я возьму на себя. Если вы устали, вам стоит немного отдохнуть.

Шэнь Тинюань словно вынырнул из глубокой задумчивости лишь пару секунд спустя. Едва заметно качнув головой, он слегка согнул указательный палец и дважды тихо постучал подушечкой по полированной столешнице:

— Я в порядке. Но за завершение работы спасибо. И не забудь позвонить руководству Высокотехнологичной компании ІА. Передай их топам, что «Шэньюй» снова подчистила за ними грязь.

— Понял, не волнуйтесь, — тут же отчеканил Хэ Цянь.

Суть сотрудничества между корпорацией «Шэньюй» и Высокотехнологичной компанией ІА заключалась в совместном освоении инновационной технологии высокоэффективного преобразования и хранения энергии. Проще говоря, «Шэньюй» инвестировала средства, а партнеры обязывались предоставлять техническое сопровождение на весь срок действия контракта.

Срок соглашения истекал только в марте следующего года — оставалось еще добрых полгода, — однако за последние два месяца на стороне Высокотехнологичной компании ІА уже трижды возникали накладки. Ничего катастрофического, но ритм работы «Шэньюй» это сбивало ощутимо, вынуждая сотрудников, включая самого Шэнь Тинюаня, увязать в сверхурочных задачах.

Очевидно, именно из-за этого глава компании и пропадал сегодня в офисе.

Поколебавшись мгновение, Хэ Цянь все же не удержался от замечания:

— И все же, господин Шэнь, мне кажется, вы к ним чересчур милосердны. Третий сбой подряд! По условиям договора мы имеем полное право расторгнуть контракт в одностороннем порядке прямо сейчас!

Шэнь Тинюань чуть приподнял уголки губ, никак не прокомментировав слово «милосердие», и ровным тоном произнес:

— Проблема, которую «Шэньюй» способна решить своими силами, не является проблемой. К

тому же время, установленное нашим техническим отделом, еще не истекло.

Хэ Цянь на секунду замер, а затем его глаза удивленно округлились — до него дошло.

Несмотря на партнерство с Высокотехнологичной компанией IA, собственная лаборатория «Шэньюй» параллельно вела аналогичные разработки, и сейчас процессы там, судя по всему, вышли на финишную прямую.

Именно поэтому Шэнь Тинюань не спешил рвать отношения раньше времени: он намеревался дожать из стороннего проекта всю возможную пользу. Но главное — с каждым новым сбоем Высокотехнологичной компании IA, за которым «Шэньюй» приходилось подтирать огрехи, позиции партнеров становились все более шаткими. И когда наступит момент окончательного разрыва, эта слабость позволит выторговать у них куда более весомые компенсации.

«Да уж, стратегия шефа как всегда безупречна», — с невольным восхищением подумал Хэ Цянь.

Он работал ассистентом Шэнь Тинюаня с самого момента, как тот пять лет назад встал у руля корпорации. Поразмыслив, Хэ Цянь понял, что хватка босса никогда не менялась: неторопливый, выдержанный, он маскировал истинные намерения внешним благодушием и уступками, усыпляя бдительность оппонента, а сам тем временем расставлял сети. Настоящий искусный, невероятно терпеливый охотник.

Что еще важнее, Шэнь Тинюань виртуозно вуалировал собственную расчетливость. Со стороны он казался безупречным благородным мужем, чуждым жестких методов, отчего в деловых кругах о нем шла слава как о человеке сдержанном, мягком и глубоко порядочном.

Не дав ответа, Шэнь Тинюань поднял со стола пиалу и сделал глоток. В его движении и впрямь проволакивала утонченная, созерцательная неспешность.

Хэ Цянь знал, что эта фарфоровая пиала стоила не меньше двухсот тысяч: ее стенки украшала тончайшая роспись черной тушью, изображавшая затерянные в тумане павильоны и горные кручи.

Каждый раз, когда он видел, как шеф держит в руках этот изысканный фарфор, на ум сама собой приходила известная поэтическая строка: «Словно нефрит благородный, нет равных ему под луной».

Погладив подушечкой пальца прохладный рисунок, Шэнь Тинюань перевел взгляд на помощника и негромко спросил:

— Что-то еще?

Хэ Цянь спохватился и торопливо мотнул головой:

— Нет-нет, ничего! Я иду закрывать вопросы с Высокотехнологичной компанией IA!

С этими словами он направился к выходу, но у самых дверей все же запнулся. Не утерпев, он обернулся и еще раз переспросил:

— Господин Шэнь, вы точно хорошо себя чувствуете? Мне показалось... примерно минут сорок пять назад вы стали каким-то рассеянным.

На самом деле Хэ Цянь просто не решился выразиться точнее. Если быть совсем откровенным, перемена произошла не сорок пять минут назад, а ровно в тот миг, когда генеральный директор закончил короткий разговор со своим законным супругом. С этой секунды Шэнь Тинюань выглядел необычно витающим в облаках.

Что же до «новоиспеченной половины» их босса, то Хэ Цянь до сих пор не мог уложить происходящее в голове. Месяц назад Шэнь Тинюань внезапно, без объявления войны, заключил официальный брак. Само это событие повергло в шок и Хэ Цяня, и весь круг их знакомых: спонтанность, импульсивность и скоропалительные решения абсолютно не вязались с образом рассудительного и хладнокровного главы корпорации.

И тем не менее, факт оставался фактом.

Поначалу Хэ Цянь с коллегами шептался по углам, гадая, не накрыла ли шефа внезапная и всесжигающая любовь. Однако за прошедший месяц выяснилось, что молодожены не устраивали пышных торжеств, не ездили в медовый месяц и вообще вели себя странно. Супруг Шэнь Тинюаня ни разу не переступил порог офиса, а редкие звонки вроде сегодняшнего звучали так сухо и деловито, словно общались чужие люди...

Словом, от этого брака совсем не веяло молодоженой страстью.

Хэ Цянь погрузился в свои мысли и не заметил, как едва заметно окаменела линия челюсти начальника.

— Я в порядке, — прозвучал ровный, абсолютно лишённый эмоций голос.

Очнувшись, Хэ Цянь смущенно пробормотал «понял» и, не смея допрашивать дальше, выскользнул за дверь.

Тяжелая дверь из массива ценных пород дерева бесшумно захлопнулась.

Шэнь Тинюань опустил веки, и в глубине его глаз вспыхнула нескрываемая мрачная тоска.

Мысли, оторвавшись от сухих отчетов, снова вернулись к тому единственному, о чем он непрестанно размышлял с момента завершения разговора с Вэнь Цинлинем.

Их диалог длился ровно одну минуту и двенадцать секунд.

Не считая знаков препинания, Вэнь Цинлинь произнес ровно сорок слов.

Впрочем, Шэнь Тинюань отдавал себе отчет в том, что его собственные ответы были еще более скупыми.

В сущности, за весь этот месяц с момента свадьбы их общение всегда сводилось к нескольким отрывистым фразам.

Но причинность этой скупости у каждого была своей.

Шэнь Тинюань понимал: Вэнь Цинлинь молчит, скорее всего, в силу характера — он сдержан, холоден, да и общих тем у них, прямо скажем, немного. Сам же Шэнь Тинюань отмалчивался по иной причине — из чистого страха.

Он панически боялся оступиться. Боялся, что случайное слово, интонация или даже сбившийся вздох предадут его; обрушат наружу ту темную, болезненную, сокрушительную страсть к Вэнь Цинлиню, которую он бережно и мучительно прятал в глубинах души последние десять лет.

Боялся испугать Вэнь Цинлиня. Боялся увидеть в его чистых, словно озерная гладь, глазах отвращение или ужас.

Боялся потерять его навсегда.

От этой мысли в груди Шэнь Тинюаня натянулась звенящая струна. Он поднес руку к шее и нервным движением ослабил узел галстука.

Взгляд его сместился к правому краю письменного стола, где находился единственный запертый на ключ выдвижной ящик.

Если цена владения Вэнь Цинлинем — пожизненные оковы, Шэнь Тинюань был готов добровольно шагнуть в эту клетку и навечно запереть за собой дверь.

Внезапно короткая трель вибрации смартфона рассеяла густеющий полумрак его мыслей.

Сняв блокировку, он увидел россыпь сообщений от своего давнего друга Хань Чэ:

«Генеральный директор Шэнь, куда на этот раз отправился твой великий художник расточать свое обаяние и собирать паству?»

«Второй молодой господин Чжоу уже вовсю бредит в своей ленте, ха-ха-ха-ха!»

[Изображение]

Шэнь Тинюань хмуро сдвинул брови и развернул прикрепленный файл.

Это был скриншот записи из социальной сети.

«Чжоу-второй: Я просто поверить не могу, что на свете существуют настолько совершенные люди! Портрет живой, а сам великий художник Вэнь — явно сошедший с небес небожитель, явившийся спасти наши грешные глаза!»

Снизу прилагалась фотография. На ней, без сомнения, был запечатлен Вэнь Цинлинь.

И хотя сжатие немного испортило качество, стройный, невероятно изящный силуэт у бамбуковой декорации угадывался мгновенно.

Снимающий, видимо, включил вспышку: в сочетании с естественным освещением кадр казался залитым ярким светом. настолько ярким, что сквозь ткань светло-кремовой рубашки проступали очертания гибкой, узкой талии Вэнь Цинлиня...

Талии, вовсе не лишенной мужской силы: напротив, сухой, подтянутый живот, обрисованные рельефом мышцы, и вместе с тем — до того соблазнительные, выточенные линии тазовых костей, что, окажись они в ладони...

Шэнь Тинюань резко оборвал полёт фантазии.

Брови его сошлись к переносице, взгляд стал тяжелым и темным, словно море перед бурей.

Пальцы легли на стекло экрана. Набирая сообщение, он вбил всего три слова в повелительном тоне:

Заставь его удалить.

Но помедлив секунду, Шэнь Тинюань тяжело выдохнул, стер написанное и вместо этого отправил Хань Чэ другое предложение:

Пришли мне оригинал.

Ответ прилетел мгновенно — фотография высокого разрешения и ироничный комментарий: «Так и знал, что ты попросишь исходник, ха-ха-ха!»

Игнорируя подколки друга, Шэнь Тинюань сразу же развернул снимок на весь экран. Надавлив подушечкой пальца на дисплей, он медленно повел им снизу вверх — от тонкой талии Вэнь Цинлиня, сокрытой под тканью рубашки, выше и выше, не в силах оторваться...

Затем остановился, укрупнил масштаб до предела, пока на экране не остался лишь фрагмент белоснежной шеи.

Чуть ниже уха, на гладкой коже, четко выделялась крошечная родинка.

Яркая, завораживающая деталь.

Палец снова прикоснулся к экрану, накрывая эту точку.

.....

Лишь спустя долгое время, глубоко вздохнув и ощутив, как качнулся и судорожно сжался кадык, Шэнь Тинюань заставил себя убрать руку. Он отправил этот кадр обратно Вэнь Цинлиню.

И добавил короткую, внешне сдержанную, но абсолютно искреннюю реплику:

«Учитель Вэнь, прекрасный кадр».

Когда пришло сообщение от Шэнь Тинюаня, Вэнь Цинлинь как раз распаковывал принесенный курьером пакет с едой.

Сквозь контейнеры пробивался густой, пряный аромат сычуаньской кухни.

Сняв блокировку и глянув на изображение, Вэнь Цинлинь на мгновение замер. На его губах появилось подобие самоироничной ухмылки.

На самом деле он не находил в этом снимке ничего особенного.

Более того, Вэнь Цинлинь не любил фотографироваться: ему казалось, что чужой объектив делает его образ застывшим, лишенным той самой живой искры.

Впрочем, делиться подобными наблюдениями с Шэнь Тинюанем не имело смысла. Вэнь Цинлинь набрал было на клавиатуре:

«Откуда у вас это фото, господин Шэнь?»

Но не успел нажать кнопку отправки, как передумал. Стерев текст, он просто набрал номер и включил голосовую связь — набивать сообщения на весу, когда перед тобой остывает обед, казалось слишком неудобным.

Гудок прошел всего один, и тут же ответил низкий бархатный голос:

— Учитель Вэнь?

Дыхание Вэнь Цинлиня на миг сбилось.

Голос Шэнь Тинюаня всегда казался ему чертовски привлекательным — глубоким, богатым на обертоны. А сейчас, звуча прямо в наушнике, вплотную к ушной раковине, он ощущался еще интимнее.

Похоже, Шэнь Тинюань не ожидал прямого звонка: в его тоне промелькнуло легкое удивление, а привычно ровная интонация чуть сбилась. И... Вэнь Цинлинь не был уверен, не мерещится ли ему, но голос мужа звучал слегка хрипло, придавая ему едва уловимый, гипнотический оттенок.

— М-м, — отозвался Вэнь Цинлинь, невольно сжав пальцами край стола.

Из динамика снова донеслось:

— Вы освободились?

Теперь Вэнь Цинлинь был убежден: голос Шэнь Тинюаня действительно слегка осел.

Должно быть, переутомился на бесконечных совещаниях. Вэнь Цинлинь не стал усугублять расспросами и просто заметил:

— Да, закончил. Собираюсь пообедать.

С этими словами он снял последнюю крышку с пластикового контейнера.

— Что у вас на обед? — поддержал разговор Шэнь Тинюань.

Оглядев дышащие жаром порции рыбы в остром масле, свинину с чесноком и жареный перец, Вэнь Цинлинь коротко бросил:

— Рис и пару блюд.

И сразу перешел к сути, возвращаясь к присланному снимку:

— Где вы нашли эту фотографию, господин Шэнь?

Вэнь Цинлинь понял, что кадр сделан сегодня утром во время его лекции в галерее Тун Нина, но кто именно щелкнул затвором, оставалось загадкой — на него тогда направляли десятки телефонов.

— Хань Чэ прислал. Он увидел запись в ленте у Чжоу Сюаня, — без утайки ответил Шэнь Тинюань.

— Чжоу Сюань? — повторил Вэнь Цинлинь и тут же вспомнил: — Второй молодой господин Чжоу?

Произнеся это имя, он, как ему показалось, уловил в наушнике едва заметную паузу в дыхании собеседника.

Однако не успел он вслушаться внимательнее, как Шэнь Тинюань продолжил тем же размеренным, мягким тоном:

— Именно. Вы уже познакомились?

Вопрос прозвучал до того естественным образом, будто между делом.

— Толкуем натянуто, — честно ответил Вэнь Цинлинь. Но помедлив секунду, повинуюсь какому-то не вполне осознанному импульсу, добавил тем же будничным тоном: — Он звал меня поужинать после мероприятия.

Намеренно умолчав о деталях.

Вэнь Цинлинь отправил в рот ломтик рыбы и начал неспешно пережевывать, делая вид, будто просто поддерживает ни к чему не обязывающую беседу.

И только сам он знал, с каким нетерпением и въедливым любопытством ждет ответа Шэнь Тинюаня.

В динамике повисла двусекундная тишина.

Шэнь Тинюань молчал, а Вэнь Цинлинь не торопил его, подцепляя палочками стручок перца.

Это походило на немую дуэль.

Наконец сквозь шорох помех донесся ровный голос Шэнь Тинюаня. Он аккуратно, без единой эмоции, вернул подачу:

— И что же вы ответили, Учитель Вэнь?

«Не смей. Не ходи. Я не разрешаю».

Шэнь Тинюань отчетливо слышал, как эти слова рвутся из самой глубины его естества.

Но...

Пальцы, сжимавшие корпус телефона, сжались так сильно, что костяшки побелели. В конце концов Шэнь Тинюань прикрыл глаза и выдохнул ровно, с предельной вежливостью:

— Учитель Вэнь, я не считаю себя вправе вмешиваться в ваш круг общения.

Каждое слово было тщательно взвешено. Он из всех сил старался звучать привычно-галантно, подчеркивая уважение к чужим границам.

Договорив, Шэнь Тинюань на мгновение затаил дыхание.

В трубке снова воцарилось молчание.

Лишь спустя пару секунд Вэнь Цинлинь едва заметно усмехнулся:

— Что ж, разумно.

Шэнь Тинюань невольно ослабил хватку.

Но в ту же секунду ему показалось, будто в этой короткой фразе проскользнула странная, едва уловимая фальшь.

Словно Вэнь Цинлинь на самом деле вовсе не считал этот подход «разумным».

Мысль была дикой, и даже Шэнь Тинюань не смог бы найти ей логического объяснения — он ведь был убежден, что проявил максимальную деликатность.

Впрочем, Вэнь Цинлинь не дал ему времени на размышления:

— Если вопросов больше нет, я вернусь к обеду.

— Хорошего аппетита, — только и смог ответить Шэнь Тинюань.

Завершив вызов, он замер, глядя на цифры «02:58» на экране. Подумав, сделал скриншот.

Это был первый раз, когда Вэнь Цинлинь позвонил ему сам, пусть даже разговор не продлился и трех минут.

Отложив смартфон, Шэнь Тинюань снял трубку внутренней связи и набрал номер помощника:

— Перенеси сегодняшнюю встречу с директором Чжао, — без предисловий распорядился он. — Пусть сам назначит время и место, я подстроюсь.

Чжао возглавлял компанию Чжао, и сегодня у них планировался совместный часовой перерыв для обсуждения деталей крупного проекта.

Но Шэнь Тинюань больше не намеревался никуда идти.

Хэ Цянь на том конце провода явно растерялся, но быстро собрался и уточнил:

— Понял, сделаю. У вас возникли неотложные дела, господин Шэнь?

Шэнь Тинюань сдержанно уронил:

— Да.

Нужно ехать домой. И присмотреть за мужем.

Разумеется, эту часть он озвучивать не стал, а вместо этого добавил:

— И еще. Свяжись с господином Чжоу. Передай, что я нашел кандидата в наставники для его внука Чжоу Сюаня.

Хэ Цянь удивился еще сильнее:

— Но вы же сами говорили, что господин Чжоу упомянул об этом между делом?

С чего вдруг такая спешка?

— Верно, — не стал отрицать Шэнь Тинюань, хотя тон его остался абсолютно непроницаемым.

— Просто мне показалось, что у Чжоу Сюаня слишком много свободного времени.

На том конце провода Хэ Цянь чуть не прикусил язык.

«Какое вообще боссу дело до чужого праздного внука?! Раньше он вроде не отличался такой гипертрофированной заботой об окружающих...»

Впрочем, высказывать эти мысли вслух ассистент не рискнул:

— Понял, сделаю прямо сейчас.

Повесив трубку, Шэнь Тинюань поднялся, шагнул к гардеробной нише за пиджаком и направился к выходу.

Обед не принес Вэнь Цинлиню особого удовольствия.

Дело было вовсе не в кухне — блюда оказались отменными: в меру острыми, пряными, с насыщенным ароматом.

Проблема таилась в нем самом.

После разговора с Шэнь Тинюанем Вэнь Цинлинь почувствовал глубокий внутренний разлад.

Или, если называть вещи своими именами, досадный укол разочарования.

Все из-за этого его безупречного ответа: «Учитель Вэнь, я не считаю себя вправе вмешиваться в ваш круг общения».

Любой разумный человек назвал бы подобную позицию идеальной — тонкой, уважительной, дарующей полную свободу.

Но...

Вэнь Цинлинь с горькой ухмылкой подумал, что он сам, вероятно, далековато ушел от понятия «разумный».

Никто из его окружения даже не догадывался, что за холодной отстраненностью Вэнь Цинлиня, привыкшего держать людей на расстоянии вытянутой руки, скрывалась тяга к совершенно иному типу отношений. К чувствам, пропитанным первобытной, почти звериной властью и собственничеством. К той абсолютной, сжигающей близости, о которой писала Джанет Уинтерсон: «Я жажду, чтобы кто-то любил меня до безумия, до самой смерти, понимая, что любовь сильна, как смерть, и вечно стоял на моей стороне. Я хочу, чтобы кто-то уничтожил меня — и был уничтожен мной».

Но в то же время Вэнь Цинлинь отлично понимал: между ним и Шэнь Тинюанем нет никакой любви.

Их брак изначально не строился на чувствах.

Взаимная вежливость — вот лучший сценарий, на который они могли рассчитывать.

К тому же...

Вэнь Цинлинь покачал головой. К тому же Шэнь Тинюань с его выдержанным, интеллигентным складом характера был бесконечно далек от таких понятий, как «агрессия» или «неконтролируемая ревность».

А сегодня... Сегодня виной всему были алкоголь и работа над комиксом. Лишь под их воздействием он на мгновение потерял контроль и позволил себе этот нелепый эксперимент.

Больше он не станет делать ничего подобного.

Поставив жирную точку в этих размышлениях, Вэнь Цинлинь собрал пустые контейнеры, вынес их к мусоропроводу на площадке, а вернувшись, налил себе еще бокал вина и снова включил планшет.

На экране замер незаконченный набросок:

Персонаж в кожаной куртке одной рукой жестко сжимает подбородок юноши в белой рубашке, заставляя того запрокинуть голову. Пальцы в кожаной перчатке глубоко въедаются в мягкую ткань щеки.

Грубо, властно и откровенно.

Однако, поразглядывая рисунок пару секунд, Вэнь Цинлинь понял, что вдохновение улетучилось.

Посомневавшись, он отложил перо, перевел взгляд на монитор ноутбука и несколькими кликами открыл скрытую папку под названием «Муза».

Вэнь Цинлинь и сам не смог бы объяснить, зачем делает это: искал ли он идеи для продолжения маньхуа или просто пытался затушить томительный, медленно разгорающийся внутри пожар.

На экране выстроился длинный ряд фотографий.

На всех снимках был изображен один и тот же мужчина, но его лица ни разу не было видно — автор снимал исключительно крупные планы и отдельные детали.

Например...

Мужской кадык, захваченный узким шелковым галстуком; сильные пальцы, перебирающие звенья тяжелой цепи...

Но даже сквозь эти фрагменты с экрана буквально физически ощущалась невероятная, подавляющая сила и дух запретного.

Все эти кадры принадлежали авторству таинственного фотографа, известного под псевдонимом «secret».

Вэнь Цинлинь наткнулся на его блог почти десять лет назад, когда тот выложил лишь пару первых работ.

С тех пор эти снимки стали для Вэнь Цинлиня настоящим источником вдохновения — не только для творчества, но и для скрытых сторон собственной личности.

Как, например, сейчас...

Взгляд Вэнь Цинлиня зацепился за кадр с галстуком. Он кликнул по нему, разворачивая изображение во весь экран.

Центр композиции занимали глаза мужчины, завязанные темной шелковой лентой.

Это был сверхкрупный план в приглушенном свете. Помимо шелка, закрывавшего глаза, в кадр попадали лишь четкие, резкие линии надбровных дуг да высокая переносица, натягивавшая

ткань.

Неискушенному взгляду было ясно: за этой лентой скрывается лицо с невероятно породистыми, глубокими чертами.

Но именно эта недосказанность — полная анонимность, скраденная плотной тканью, — будоражила воображение сильнее всего.

Вэнь Цинлинь сотни раз представлял, какими могут быть скрытые глаза и какой темный, сокрушительный взгляд таится за этой повязкой.

Сама эта мысль заставляла его дыхание учащаться.

Ощувив, как в груди закипает жар, Вэнь Цинлинь залпом допил остатки вина из бокала, поднялся и шагнул к гардеробной. Открыв шкаф, он наугад вытянул один из темных галстуков.

Вернувшись в мастерскую, он опустил прямо на мягкий ковер, выдвинул нижний ящик комода и достал оттуда... то, чем привык пользоваться в такие минуты.

Сложенный галстук лег на глаза. Вэнь Цинлинь привычным движением завязал тугой узел на затылке.

Оказавшись в полной, пьянящей тьме, он опустил одну руку ниже, быстро нащупал нужную клавишу и легко нажал на кнопку пуска.

<http://bllate.org/book/20550/2105869>